

ник, а последний, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему изучению и популяризации русского искусства, истории и литературы в разные времена их бытования.

В сентябре минувшего 1984 г. в городе Кириллове состоялась научная конференция "Культура Белозерья XV—XIX веков", созванная Вологодским областным управлением культуры по случаю 60-летия Кирилловского музея. Она свела в Кириллове более ста ученых и реставраторов из Москвы, Вологды, Ленинграда, Ярославля, Костромы, Загорска, Белозерска, Кириллова и Ферапонтова. Доклады отдельных авторов I-го "Ферапонтовского сборника" были прочитаны на этой конференции и любезно предоставлены для публикации в нашем сборнике. Тексты других статей были в свое время доложены на столь же представительной конференции "Дионисий и искусство Москвы XV—XVI столетий", состоявшейся по случаю открытия выставки на ту же тему в ноябре 1976 г. в Русском музее в Ленинграде. Наконец несколько статей было приготовлено специально для I-го "Ферапонтовского сборника". Поскольку в истории Ферапонтова и его художественных памятников остается еще немало темных и спорных вопросов, мы сочли необходимым поместить здесь различные толкования такого выдающегося творения Дионисия, как иконостас, созданный им и его артелью для Рождественского собора Ферапонтова монастыря. Другие статьи посвящены фрескам собора, иконографическим и палеографическим темам, а одна статья — находящейся в полуторе километрах от монастыря деревянной Ильинской церкви XVIII в. Открывает сборник обширное исследование ленинградского исследователя С.Н.Павлова о первом историке Ферапонтова Иване Ивановиче Бриллиантове, которая удачно вводит читателя в общую историю Ферапонтова и его достопримечательностей.

19 марта 1985 г.

Г.Вздорнов

С.Н.Павлов
(Ленинград)

ИВАН ИВАНОВИЧ БРИЛЛИАНТОВ — ИСТОРИК ФЕРАПОНТОВА

С Ферапонтовым монастырем связаны имена ряда видных деятелей древнерусской культуры и ярких исторических фигур прошлого нашей страны. Ему было суждено сыграть роль одного из тех культурных очагов северо-востока Руси, чуждый свет которого дошел до нас сквозь мглу веков. И это заставляет с благодарностью вспоминать не только тех, кто создавал архитектурные, художественные и литературные сокровища Ферапонтова, но также и тех, кто посвятил свою жизнь изучению и сохранению этого уникального памятника российской древности.

Среди них в первую очередь следует назвать Ивана Ивановича Бриллиантова. Вся его жизнь была связана с Белозерским краем, который он любил всей душой. При этом Ферапонтову здесь принадлежало особое место. Это была его родина, в чью историческую почву уходили его духовные корни. В изучении ее истории и актуальном выявлении ее культурного наследия и нашел он свое подлинное призвание, заслужившее ему нашу благодарную память.

Всем, кто серьезно интересовался Ферапонтовым монастырем, знаком написанный И.И.Бриллиантовым его исторический очерк, появив-

шийся в печати в 1898 г. и по сей день остающийся наиболее обстоятельным трудом в этой области ¹. Популярное по своим целям сочинение, в силу собранных в нем документальных сведений и аргументированных суждений самого автора, до сих пор представляет известную научную ценность.

Однако, говоря о работе И.И.Бриллиантова по собиранию и научной обработке источников по истории Ферапонтова монастыря, принесшей ему заслуженную известность, нельзя пройти мимо и другой, до сих пор неизвестной стороны его деятельности, связанной с сохранением этого уникального архитектурного ансамбля и находящегося там бесценных художественных сокровищ. Дошедшие до нас документы личного архива И.И.Бриллиантова позволяют восполнить известную по другим источникам историю начавшегося в первые годы XX в. изучения памятников Ферапонтова монастыря, попыток их реставрации, а также последовавшей в послереволюционные годы их музеефикации.

Иван Иванович Бриллиантов родился 25 января (ст.ст.) 1870 г. в селе Цыпино Кирилловского уезда Новгородской губернии, где его отец Иван (Иосиф) Михайлович Бриллиантов (ум.1.1905) состоял священником местной Ильинской церкви ².

Цыпино, находившееся в полутора верстах от Ферапонтова монастыря, еще с XV в. являлось монастырской вотчиной ³. Впервые церковь во имя пророка Илии на Цыпинском погосте упоминается в 1533 г. ⁴ На ее месте в 1755 г. была выстроена другая деревянная церковь, сохранившаяся до наших дней. Она представляет из себя башню из четырех убывающих восьмериков на крестчатом основании с подделтом и примыкающей к ней трапезной. Наряду с деревянным на Цыпинском погосте с 1800 г. существовал и каменный храм с двумя престолами: во имя Димитрия Солунского и Георгия Победоносца ⁵.

Семья Бриллиантовых, кроме отца и матери, Ларисы Андреевны (ум.1918), насчитывала семь детей — пять братьев и две сестры. Иван был среди них вторым. В своем воспитании и образовании он прошел обычный для детей духовенства путь: десяти лет от роду поступает в Кирилловское духовное училище, в 1884 г. переходит в Новгородскую семинарию, а в 1891 г. способный молодой человек становится студентом С.-Петербургской духовной академии. Здесь в это время уже учился его старший брат Александр (1867—1937), впоследствии известный церковный историк, профессор академии, долгие годы

бывший для Ивана Ивановича самым близким человеком ⁶.

В 1894 г. И.И.Бриллиантов успешно окончил академию, удостоившись степени кандидата богословия за курсовое сочинение "Ажастасий, библиотекарь римский". Этот труд ⁷, посвященный видному западному церковному деятелю и писателю IX в., бывшему свидетелем и участником событий, обозначивших последующий раскол между греческим Востоком и латинским Западом, обнаружил способность начинающего исследователя работать с источниками, умело прослеживая и объективно оценивая события далекого прошлого ⁸.

Бриллиантова оставляют при академии на 1894/95 учебный год в качестве профессорского степендиата, что являлось несомненным признанием в нем задатков ученого. Однако научной карьеры в дальнейшем он так и не сделал, а стал верным помощником своего знаменитого старшего брата, занявшего в академии после кончины В.В.Болотова в 1900 г. кафедру общей церковной истории.

В 1895—1906 гг. И.И.Бриллиантов занимал в академии хлопотную должность помощника инспектора. С 1897 г. к этому прибавилась работа преподавателя арифметики в епархиальном женском училище, где в 1906—1915 гг. он преподавал также историю и географию. Наконец, с сентября 1915 г. он вел курс латинского языка в Александро-Невском Антониевском духовном училище ⁹.

В 1918 г., некоторое время спустя после закрытия духовных учебных заведений, Иван Иванович покинул Петроград и окончательно вернулся в Цыпино, куда до этого в течение тридцати восьми лет навещался лишь в каникулярное время ¹⁰. Здесь он в 1919 г. избирается членом сельсовета ¹¹. В 1920—1922 гг. И.И.Бриллиантов состоял сотрудником подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Кирилловского уездного отдела народного образования ¹². Известно, что в дальнейшем он был членом ревизионной комиссии цыпинской церкви ¹³. Скончался И.И.Бриллиантов в 1934 г. Таковы внешне скромные вехи жизни этого человека.

Первой работой И.И.Бриллиантова, посвященной истории родного края, была небольшая статья "Кирилло-Белозерский первоклассный монастырь (к 500-летию существования)", написанная им в Кириллове в начале июля 1897 г. ¹⁴ Она появилась вскоре в популярном петербургском журнале "Русский паломник" ¹⁵. Будучи малой по объему, данная работа отличалась достаточной информативностью, знакомя читателя с основными этапами истории монастыря и его достопримечательностями.

Однако еще ранее, в 1895 г., Иван Иванович принимается за труд, который, собственно, и принес ему настоящую известность — исторический очерк Ферапонтова монастыря¹⁶. Основную трудность в этой работе являло то обстоятельство, что документы Ферапонтова монастыря не составляли к этому времени единого собрания, будучи рассеянными по разным архивам¹⁷. И.И.Бриллиантову удалось изучить многие из них, проливающие достаточный свет на историю развития монастыря как культурного очага и хозяйственной единицы Древней Руси. Так, им были просмотрены связанные с Ферапонтовым рукописи находившихся в библиотеке Петербургской духовной академии Софийского и Кирилло-Белозерского собраний, рукописи Публичной библиотеки, а главное — архив самого монастыря, еще оставшийся на своем исконном месте¹⁸.

Работая над очерком, он внимательно обследовал архитектурный ансамбль упраздненной к тому времени обители, дав первое его подробное описание. Имевшаяся научная литература и издания источников, так или иначе соприкасавшихся с избранной И.И.Бриллиантовым темой, также были внимательно им изучены, и их данные обобщены на страницах очерка¹⁹.

Эта работа, как и упомянутая статья, посвященная Кирилло-Белозерскому монастырю, была написана *ad hoc* — в связи с наступавшим в 1898 г. 500-летием Ферапонтова монастыря. В этом году очерк стал выходить отдельными главами в журнале "Странник", а на следующий год вышел и отдельной книгой.

Характерно, что автор привлекает внимание читателя к Ферапонтову монастырю как месту заточения патриарха Никона во время его опалы (декабрь 1666 — июнь 1676). Собственно теме пребывания Никона на Белоозере он посвятил специальный очерк, также появившийся на страницах "Странника"²⁰ и составивший затем при издании книги одно целое с историей Ферапонтова монастыря. Интерес к Никону как борцу за самостоятельность церкви против государственной "опеки", распространенный среди церковных ученых и общественных деятелей второй половины XIX — начала XX в., вызвал к жизни множество сочинений, посвященных его личности²¹. Не удивительно, что И.И. Бриллиантову Никон представлялся самой яркой исторической фигурой, которая оказалась связанной с известной тогда лишь узкому кругу историков обителью, упраздненной в самом конце XVIII в. Обстоятельством десятилетнего заточения Никона в Ферапонтове автор и стремился об-

ратить внимание широкого читателя на историческую судьбу и современное состояние замечательного очага древнерусской культуры.

По своей композиции книга И.И.Бриллиантова разбивается на две почти равные части. Первая часть содержит общий исторический очерк Ферапонтова монастыря и знакомит с его окрестностями, а вторая посвящена пребыванию в нем Никона. Имеются в книге и два приложения: список монастырских настоятелей, планы монастыря ХУШ и конца XIX в.

Для нас особый интерес имеет первая часть книги. И.И.Бриллиантов подробно рассматривает здесь жизнеописание основателя монастыря Ферапонта (ум. 1426), его преемника Мартиниана (ум. 1483), а также начальную историю обители²². Затем он обращается к "временам ее процветания" при Мартиниане и его ближайших преемниках и прослеживает внешний рост монастыря и его состояние до конца ХУШ в. Краткая УШ глава посвящена упадку Ферапонтова в конце ХУП—ХУШ вв., упразднению монастыря в 1798 г. и превращению его в приход. Далее автор предлагает путеводитель по Ферапонтову и его окрестностям.

Немалую ценность книге И.И.Бриллиантова придает то обстоятельство, что мимо его внимания не проходит ни одна фигура русской истории и культуры, связанная с Ферапонтовым. Здесь мы найдем сведения о видных церковных деятелях, постриженниках монастыря: епископах Пермском Филофее (ум. 1508), Ростовском Иоасафе Оболенском (ум. 1513), Суздальском Ферапонте (ум. 1543), а также об основателе Учемского монастыря под Угличем Кассиане Греке (в миру князь Константин Мавлуковский/Мавлуцкий/, ум. 1504). Останавливается И.И. Бриллиантов и на связях с Ферапонтовым монастырем и его игуменом Мартинианом видного писателя XV в. Пахомия Логофета — автора известного жития Кирилла Белозерского. Особое внимание обращается на тот факт, что Мартиниан, в течение долгого времени руководивший жизнью обители, "успел сообщить ей характер духовно-просветительного центра". Следуя своему учителю Кириллу Белозерскому, он организовал в монастыре переписку книг, ставшую одним из главных послушаний для иноков²³.

Интересны сведения, сообщаемые И.И.Бриллиантовым о видном русском писателе конца XV—начала XVI вв. митрополите Киевском Спиридоне. Родом тверитин, посвященный Константинопольским патриархом

Рафаилом в митрополиты для Литвы, но не принятый королем Казимиром, он прибыл в 1483 г. в Москву, после чего Иван III отправил его в заточение в Ферапонтов, вменив ему в вину "поставление в области безбожных турок поганского царя"²⁴. Здесь Спиридон пробыл, кажется, до своей кончины. Сознвая значение трудов Спиридона, И.И.Бриллиантов останавливается на написании им в Ферапонтове "Изложения о православной истинной нашей вере", имевшем целью как самооправдание, так и доставление средства борьбы с появившейся тогда в Новгороде "ересью" жидовствующих, а также на литературной обработке житий Зосимы и Савватия Соловецких, сделанной по записям соловецкого игумена Досифея, обратившегося к Спиридону по указанию новгородского архиепископа Геннадия²⁵.

Обращается в книге внимание еще на одного писателя — ферапонтовского инока Паисия, автора "Сказания о сочетании второго брака", которое осуждало развод Василия III с Соломонией и жнатьбу его на Елене Глинской. Следуя мнению Макария (Булгакова) и Д.И. Иловайского, И.И.Бриллиантов относит это произведение ко второй половине XVI в. (по-видимому, к времени после смерти Ивана Грозного)²⁶. При этом им высказывается предположение, что судя по языку, "тяжелому, книжному, избылдущему нерусскими словами и непонятными речениями", Паисий был "одним из греков, которых в то время нередко можно было встретить в русских монастырях"²⁷.

Но особый интерес для нас сейчас представляет другое "предположение" И.И.Бриллиантова. Касаясь сооружения в Ферапонтове в конце XV—начале XVI в. (между 1492 и 1503 гг.) собора в честь Рождества Богородицы²⁸, он впервые в литературе приводит надпись, сохранившуюся на арке северных дверей этого храма и сообщающую обстоятельства его постройки. В надписи указан "Деонисие иконник съ своими ча[д]ы". При этом И.И.Бриллиантов замечает: "Упомянутый здесь Дионисий иконник не тот ли знаменитый в свое время иконописец Дионисий, которому в 1482 г. заказывал писать иконы архиепископ Вассиан (ПСРЛ, VI, 233)?"²⁹. Таким образом, в исторической литературе впервые был упомянут Дионисий как автор ферапонтовских фресок, составляющих в XV в. славу как самого художника, так и монастыря, в котором он трудился с сыновьями³⁰.

Работа И.И.Бриллиантова встретила положительный прием в научных кругах. "Журнал Министерства народного просвещения" поместил

о ней весьма теплый отзыв ³¹. Подробную рецензию на очерк дал выдающийся русский ученый Н.К.Никольский, автор замечательного труда "Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397--1625)", первый выпуск которого появился в 1897 г. ³²

Отметив разрозненность и неизученность источников, связанных с Ферапонтовым, он писал, что "нельзя... не дорожить такими историческими очерками, которые, не стремясь к возможной полноте, довольствуются тем, что знакомят нас с материалами, как письменными, так и вещественными, уцелевшими в местных учреждениях (и не обеспеченных в своей дальнейшей сохранности)" ³³. Причислив труд И.И.Бриллиантова "к разряду подобных исторических опытов", Н.К.Никольский относит к заслуге автора как обобщение уже известных науке данных, так и введение в научный оборот новых источников, для чего были использованы неизвестные материалы архива, уцелевшие в упраздненном монастыре ³⁴.

Указанный отзыв, кроме того, содержал ряд важных поправок и дополнений к работе И.И.Бриллиантова, а также имел приложение, содержавшее 16 документов из собственного собрания Н.К.Никольского, имевших непосредственное отношение к ссылке патриарха Никона на Белоозеро и к состоянию Ферапонтова монастыря в XVII в. ³⁵. Таким образом, будучи по своему назначению служебным документом, он в то же время приобретал особую научную ценность.

По отзыву Н.К.Никольского, бывшего тогда ординарным профессором Петербургской духовной академии, труд И.И.Бриллиантова был удостоен премии имени Марии и Василия Чубинских, присуждавшейся советом академии за лучшие популярные произведения богословского или церковно-исторического содержания ³⁶. Но помимо своей научной ценности данная работа имела и важное общественное значение. Тираж книги был доведен до 1500 экземпляров ³⁷. Министерство народного просвещения, в свою очередь, рекомендовало очерк "Патриарх Никон в заточении на Белоозере" для библиотек средних учебных заведений и народных читален ³⁸. Но главное заключалось в том, что своим появлением труд И.И.Бриллиантова обратил общественное внимание на бедственное положение Ферапонтова и на необходимость принятия срочных мер к сохранению архитектурного ансамбля бывшего монастыря и его художественных сокровищ.

Особую важность сыграл здесь отклик настоятельницы Иоанно-Предтеченского Леушинского женского монастыря в Новгородской епархии игуменья Таисии. Образованная, энергичная и хозяйственная, она не только привела Леушинский монастырь в "полное благолепие", но и проявила заботу об устройстве еще трех обителей в разных губерниях ³⁹. В январе 1900 г., благодаря И.И.Бриллиантова за присланную книгу, "этот многополезный и священный труд", она писала: "Прочтение его произвело на меня то впечатление, что во мне возгорелось сильное желание возобновить эту старинную святую обитель, превратив ее, конечно, в женскую. Не почитите, добрейший Иван Иванович, эти слова мои пустыми, как говорится, для прикрасы сказанными, — Вы знаете, что я не из таких, говорю Вам серьезно, что я даже задумывалась — как бы осуществить эту мысль; одно только что решительно обескураживает меня, то это сознание, что неудобно же мне самой навязываться на такие дела, а если бы хоть малейший намек со стороны архиепископа — я бы не отказалась" ⁴⁰.

Еще ранее И.И.Бриллиантов получил одобряющий отклик на свою книгу от влиятельного церковного деятеля того времени кронштадтского протоиерея И.С.Сергиева, оказывавшего покровительство Леушинскому монастырю ⁴¹.

Трудно сказать, дождалась ли игуменья Таисия столь желанного "намёка". Но, во всяком случае, 2 мая 1903 г. она представила рапорт на имя архиепископа Новгородского и Старорусского Гурия, в котором мысль о возобновлении Ферапонтова монастыря представила как полученное ею завещание от скончавшегося в 1892 г. митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора ⁴². В свою очередь архиепископ Гурий поддержал стремление Леушинской игуменьи открыть в Ферапонтове женский монастырь, о чем подал в Синод пространный рапорт от 17 сентября 1903 г. ⁴³ Вопрос решался недолго. Уже 12 декабря 1903 г. последовал синодальный указ об открытии Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря "с таким числом инокинь, какое обитель в состоянии содержать на свои средства" ⁴⁴. Из этого следует, что открывавшийся монастырь становился заштатным, т.е. не получавшим содержания от казны. Правда, монастырь получал уголья, позволявшие наладить собственное хозяйство: Леушинский монастырь дарил ему 87 десятин леса, а сход ферапонтовских крестьян вынес приговор пожертвовать для него 204 десятины земли ⁴⁵.

Первые два года, во время начального устройства новой обители, ею управляла сама Таисия, время от времени отлучавшаяся из Леушина, находившегося на реке Шексне в двадцати верстах от Ферапонтова ⁴⁶. А в 1906 г. у Ферапонтова монастыря появилась собственная игуменья — бывшая леушинская казначея Серафима ⁴⁷. В первый же год после восстановления монастыря здесь были выстроены два двухэтажных деревянных корпуса для насельниц, перебравшихся также из Леушина ⁴⁸. В 1909 г. при монастыре открылась церковно-приходская школа с рукодельными курсами для девочек ⁴⁹. К 1911 г. общая численность монахинь и послушниц равнялась семидесяти, а в дальнейшем их число возрастало ⁵⁰.

Однако начавшиеся в 1904 г. ремонтные работы в связи с возобновлением монастыря чуть было не сыграли роковую роль в искажении первоначального архитектурного облика монастырских строений. К счастью, находившийся в Ферапонтове 28—30 мая 1904 г. архиепископ Гурий своевременно сообщил о предполагаемых переустройствах в имп. Археологическую комиссию. Последней для выяснения архитектурно-художественных достоинств зданий монастыря в том же году был послан видный археолог академик П.П.Покрышкин ⁵¹.

Следует отметить, что серьезные опасения за свою дальнейшую судьбу вызывал тогда главный архитектурно-художественный памятник Ферапонтове — Богородице-Рождественский собор. К указанному времени в его куполе образовались большие трещины, а пол местами провалился от стгнивших накатов и балок. В связи с этим архиепископ Гурий распорядился, чтобы в нем не совершались богослужения ⁵².

На следующий год Археологическая комиссия командировала в Ферапонтово экспедицию, в которую, кроме ее руководителя П.П.Покрышкина, вошли студенты-архитекторы К.К.Романов и М.Е.Сунцов. Ими были произведены обмеры и описания всех монастырских строений. К.К.Романову, который, по отзыву П.П.Покрышкина, "с истинно юношеским пылом" взялся за дело, принадлежат обмер и научное описание Богородице-Рождественского собора, а также проект его реставрации. Результаты работ экспедиции были опубликованы в 1908 г. в "Известиях имп. Археологической комиссии" и одновременно вышли отдельным изданием.

Реставрационные работы в монастыре предстояли большие. Однако с самого начала обнаружилась нехватка средств ⁵³. В 1908 г. архиепископ Гурий выделил монастырю сумму из своих личных сбережений на

восстановления сводов и ремонт в трапезной Благовещенской церкви (по проекту П.П.Покрышкина), т.е. на продолжение работ, уже начатых в 1904 г.⁵⁴ В июне 1909 г. Феропонтово посетил бывший товарищ обер-прокурора Синода сенатор В.К.Саблер, которому К.К.Романов давал пояснения при осмотре монастырских древностей. По сообщению И.И.Бриллиантова, В.К.Саблер обещал выхлопотать ассигнования на реставрацию Богородице-Рождественского собора⁵⁵.

Упомянутая поездка В.К.Саблера, занимавшего тогда должность члена Училищного совета при Синоде, была связана с его участием в праздновании 25-летия Леушинской монастырской церковно-учительской женской школы. После леушинских торжеств 17 июня 1909 г. он отправился в Феропонтово на открытие школы при монастыре, расходы на постройку которой были частично оплачены Училищным советом. Вместе с В.К.Саблером Феропонтово монастырь посетил (тогда, впрочем, уже не впервые) помощник синодального наблюдателя церковно-приходских школ, замечательный историк русского искусства В.Т.Георгиевский, которому довелось сыграть особо выдающуюся роль в изучении художественных памятников Феропонтова⁵⁶.

В 1911 г. Комитетом попечительства о русской иконописи (Петербург) была выпущена книга В.Т.Георгиевского "Фрески Феропонтова монастыря", явившаяся первым серьезным трудом, посвященным великому русскому иконописцу Дионисию и его школе. Блестящая догадка И.И.Бриллиантова спустя чуть более десятилетия нашла, таким образом, свое не менее блестящее научное подтверждение. Прекрасный альбом, содержащий 7 цветных и 40 черно-белых таблиц, познакомил общественность с шедеврами, занявшими отныне прочное место в истории русского искусства.

В своих трудах по изучению архитектурно-художественного наследия Феропонтова П.П.Покрышкин и К.К.Романов широко использовали книгу И.И.Бриллиантова в качестве основного исторического пособия. Что же касается В.Т.Георгиевского, то, характеризуя ее как "обстоятельный и научно ценный труд", он в предваряющем свое исследование кратком историческом очерке хотя и пользуется общим планом бриллиантовской монографии, однако проявляет при этом самостоятельность в обращении к источникам и пособиям⁵⁷.

В октябре 1910 г. вместо ушедшего на покой престарелого архиепископа Гурия (ум. 1912) новгородскую кафедру занял архиепископ Арсений, в прошлом ректор Московской духовной академии, знаток и дея-

тальный любитель русской старины ⁵⁸. В июне 1911 г., обозревая епархию, он посетил и Ферапонтов монастырь. Вместе с ним находились В.Т.Георгиевский и другой видный русский искусствовед — Ю.А.Олсуфьев ⁵⁹. И хотя к этому времени трудами насельниц и пожертвованиями благотворителей монастырь приобрел обжитой вид, состояние его главной достопримечательности, Богородице-Рождественского собора, оказалось катастрофическим. Вот как описывал его сам Арсений: "...цоколь стен и пилонов слаб, так как кирпич перепрел и высыпался. Особенно плох цоколь в подвале северо-восточной части собора. Здесь почти на треть толщины стены кирпич высыпался, и выше появились большие трещины. Собор треснул в двух взаимно перпендикулярных направлениях по главным осям, минуя лишь барабан купола... Эти трещины достигают в некоторых своих частях 0,04 сажени и грозят собору разрушением" ⁶⁰.

Понятно, что монастырь не имел достаточных средств для проведения срочных восстановительных работ в соборе. Это побудило архиепископа Арсения обратиться в Синод за разрешением провести всероссийский тарелочный сбор по церквям для их скорейшего осуществления. Такое разрешение было получено 6 февраля 1912 г. ⁶¹ А 28 апреля того же года в органе Синода "Прибавления к Церковным ведомостям" (№ 17, с.691—698) за подписью Арсения появилась пространная статья "Ферапонтов монастырь", дающая его историческое и архитектурно-художественное описание, при этом особое внимание общественности обращалось Арсением на бедственное положение Богородице-Рождественского собора.

Ставя Дионисия на один уровень по своему значению с Андреем Рублевым, Арсений подчеркивал, что он "был крупной художественной личностью и оставил по себе глубокий след в русском искусстве, оказав на него могучее влияние" ⁶². "Ферапонтовская роспись. — заканчивалась статья, — является до сих пор единственным памятником на Руси XV в. (выделено в тексте статьи — С.П.). Сохранение и спасение его от гибели составляет долг всякого любящего... родную старину. Обветшавший, заброшенный в течение двух столетий храм грозит рухнуть, и тогда этот единственный, сохранившийся в такой значительной полноте драгоценный памятник славного прошлого нашего искусства безвозвратно погибнет" ⁶³.

Сбор пожертвований на восстановление собора в Ферапонтовом монастыре был назначен на 27 мая — день церковной памя-

ти основателя обители Ферапонта. Перед этим в храмах проводились разъяснительные беседы, целью которой и служила, в частности, указанная статья архиепископа Арсения⁶⁴. На собранные в 1912 г. средства в монастыре удалось осуществить самые неотложные работы по укреплению фундаментов древних сооружений, а также замене в них балок и полов⁶⁵.

Между тем возникал вопрос о комплексной реставрации всего монастырского ансамбля. Это побудило архиепископа Арсения вновь обратиться в Синод с представлением о разрешении в этот раз всероссийского кружечного сбора "на поддержание Ферапонтова монастыря в достойном виде". Последнее было дано 31 января 1914 г.⁶⁶ Не забыл своего обещания и В.К.Саблер, ставший к тому времени обер-прокурором Синода. По его представлению, независимо от суммы сборов, из средств казны на реставрацию Ферапонтова монастыря в 1914 г. было выделено 35 тысяч рублей⁶⁷.

Тогда же, в 1914 г., началась разработка реставрационного проекта, которая была поручена петербургскому архитектору А.Г.Вальтеру. Последний, в свою очередь, обратился к И.И.Бриллиантову с просьбой подготовить необходимые для этой цели описания древних монастырских строений⁶⁸.

Таким образом, мы видим, что интерес к Ферапонтову монастырю и его памятникам, вызванный первоначально очерком И.И.Бриллиантова, в предреволюционные годы все более возрастал. Судя по всему, и сам Иван Иванович, обычно проводивший каникулярное время у себя на родине, продолжал его изучение⁶⁹. Но особое значение деятельность И.И.Бриллиантова, связанная с Ферапонтовым, приобрела в послереволюционные годы, когда он переселился в Цыпино. Здесь в течение более чем трех лет, в трудные годы начального становления советского музейного дела, он отдавал все силы охране архитектурных и художественных сокровищ древней обители.

Замечательным материалом, могущим служить источником по истории Ферапонтова в период его музейфикации, являются письма Ивана Ивановича своему брату профессору А.И.Бриллиантову, состоявшему с 1921 г. библиотекарем в Государственной публичной библиотеке в Петрограде-Ленинграде.

В 1920—1922 гг. И.И.Бриллиантов являлся штатным сотрудником музейной секции подотдела искусств Кирилловского уездного отдела

народного образования. В обязанности И.И.Бриллиантова входила забота о хранении находившихся в Ферапонтовом монастыре древних икон, а также работа по их описанию. Условия труда на первых порах были не из легких. Иконы были сложены в холодном помещении надвратной церкви Богоявления, где в январские морозы находиться можно было не более двух часов ⁷⁰.

Первые послереволюционные годы ознаменовались, как известно, развертыванием работ по реставрации памятников древнерусской живописи. В июне 1918 г. при Музейном отделе Наркомпроса была образована специальная комиссия по их сохранению и раскрытию. Ее председателем стал И.Э.Грабарь, объединивший вокруг себя группу энтузиастов: художников-реставраторов, искусствоведов, архитекторов. Уже в 1918 г. был отмечен исключительными по своей важности работами по раскрытию фресок в Дмитриевском и Успенском соборах во Владимире, Боголюбской и Максимовской икон Божией Матери, иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля, икон в Кирилло-Белозерском монастыре. Кроме того, в Звенигороде в октябре того же года реставратору Г.О.Чирикову удалось найти три доски, оказавшимися после расчистки тремя иконами ("Спас", "Архангел Михаил" и "Апостол Павел") из звенигородского чина Андрея Рублева ⁷¹.

Не ускользнул от внимания комиссии и Богородице-Рождественский собор Ферапонтова монастыря. Интересы сохранения и последующей реставрации находившихся в нем икон, написанных Дионисием и его мастерской и в 1915 г. выдутых из иконостаса, потребовала укрепления бумагой. Эту работу осенью 1918 г. произвел П.И.Юкин, бывший по отзыву И.Э.Грабаря, "осмотрительнейшим и опытнейшим мастером" ⁷². Сведения об этом мы находим в письме И.И.Бриллиантова от 23 января 1920 г. ⁷³ Тогда же, по-видимому, им были раскрыты иконы Иоанна Предтечи и частично архангела Михаила из деисусного чина, а также произведена пробная расчистка иконы Богоматери Неогалимая Купина. Так было положено начало работам по раскрытию ферапонтовских икон, к которым П.И.Юкин вместе с Е.А.Домбровской смог приступить только в 1930 г. ⁷⁴ Первое же посещение им Ферапонтова было связано с экспедицией реставрационной комиссии в Кирилло-Белозерский монастырь осенью 1918 г., которой руководил видный искусствовед И.А.Анисимов ⁷⁵.

Серьезный интерес к художественным памятникам Ферапонтова не ослабевал. С 24 июня 1920 г. более месяца там провела известная художница Н.И.Толмачевская, сотруница копировальной мастерской

и.л. дурново при Государственном институте истории искусств и Академия историческо-материальной культуры в Петрограде ⁷⁶. Предметом ее внимания была композиция фрески "Покров", а известным результатом стала копия детали последней "Роман Сладкопевец" ⁷⁷. Работы по копированию ферапонтовских фресок были продолжены затем К.М.Бухариной, Р.В.Велижановой, Н.В.Бинецкой, М.В.Кальфа, Н.К.Маковской, Н.М.Мальшевой, М.Я.Перепелкиной, Е.А.Радзиевской, В.С.Рождественской, Б.В.Тонковой, Б.В.Шевяковым, Т.С.Щербатовой-Шевяковой, А.Е.Эленгорн ⁷⁸.

Проявлял интерес к ферапонтовским фрескам и видный историк искусств профессор Л.А.Мацулевич, бывший в 20-е гг. помощником хранителя Государственного Эрмитажа и активно сотрудничавший с комиссией Грабаря ⁷⁹. В августе 1920 г., во главе группы из семнадцати художников, он, по свидетельству И.И.Бриллиантова, "усердно занимался изучением фресок". Тогда же он дал рекомендации последнему относительно лучшего режима хранения икон, предложив держать их в горизонтальном положении ⁸⁰. Второе посещение Л.А.Мацулевичем Ферапонтова состоялось в июне 1921 г., когда он прибыл с группой студентов Института истории искусств ⁸¹.

В это же время Ферапонтов монастырь посетил и И.Э.Грабарь "с комиссией из художников и археологов" ⁸². Известно, что Грабарь проявлял особый интерес к Дионисию Ферапонтовскому ⁸³, однако ни в его автобиографии, ни в изданном собрании его писем, ни в его статьях, посвященных вопросам древнерусского искусства, ни в трудах, освещающих его деятельность по выявлению и охране памятников русской иконописи, ничего не говорится об этом знаменательном посещении. Приезд И.Э.Грабаря произошел между 23 и 26 июня 1921 г. ⁸⁴. Несколько днями ранее в Ферапонтове были некие "иконописец и художник", занимавшиеся классификацией икон по описи, составленной И.И.Бриллиантовым ⁸⁵. Повидимому, это были члены той самой "комиссии", которая прибыла вместе с И.Э.Грабарем и находилась в это время в Кириллове. Дальнейшее изучение деятельности Всероссийской комиссии по реставрации, которую возглавлял И.Э.Грабарь, несомненно прольет свет на обстоятельства этих посещений.

Изучались в те годы также и архитектурные памятники Ферапонтова. В августе 1921 г. в монастырь прибыла из Петрограда экспедиция Института градостроительства. Ее участниками были произведены обмеры древних монастырских сооружений ⁸⁶. По-видимому, объектами внимания этой экспедиции был не столько Ферапонтов, сколько Кирилло-

Белозерский монастырь, а также и другие архитектурные памятники Белозерья.

Перейдем к еще одной интересной странице из истории Ферапонтова в послереволюционное время. Несмотря на переживаемые трудности, в августе 1920 г. было решено возобновить начавшиеся еще до революции работы по ремонту древних монастырских построек, которые еще сохраняли вид "крайней заброшенности" ⁸⁷. На собрании, состоявшемся у игумена Серафима, из местной общественности была образована комиссия по наблюдению за строительными работами. Ее председателем стала Серафима, а секретарем И.И.Бриллиантов ⁸⁸. При помощи его брата Вениамина Ивановича Бриллиантова, являвшегося в то время заведующим подотделом искусств Кирилловского отдела народного образования, к концу месяца удалось выхлопотать выдачу продовольственного пайка для четырнадцати рабочих, что позволило в начале сентября приступить к работам ⁸⁹. 18 сентября удалось обеспечить дополнительные пайки и привлечь к работе еще двенадцать человек ⁹⁰. В своих заботах о сохранении архитектурных и художественных памятников Ферапонтова И.И.Бриллиантов неизменно встречал понимание и поддержку также и со стороны Б.Н.Моласа, назначенного в январе 1920 г. уполномоченным Гламузея по Череповецкой губернии ⁹¹. Ремонтные работы производились как снаружи, так внутри всех четырех монастырских храмов, причем особое внимание, естественно, уделялось Богородице-Рождественскому собору ⁹². Руководил работами архитектор В.В.Данилов ⁹³.

В декабре 1920 г. для осмотра работ ожидалась комиссия из Петрограда, направленная Гламузеем ⁹⁴. Еще ранее, в ноябре, Кириллов и Ферапонтов монастыри посетил сотрудник Музейного отдела Наркомпроса Б.И.Силин. Его целью было освидетельствование состояния их древних построек и хранения находящихся в них предметов музейного характера. До нас дошло два любопытных документа, составленных им во время этих посещений. Один представляет описание строений и предметов, имеющих музейное значение в Кирилло-Белозерском монастыре, а другой - в Ферапонтове. Их копии сохранились в личном архиве И.И.Бриллиантова ⁹⁵. Описание Ферапонтова дает наглядное представление о состоянии монастыря и о находившихся там памятниках искусства.

Мы с благодарностью должны вспомнить всех участников восстановительных работ в Ферапонтове в 1920--1921 гг., во многом обеспе-

живших дальнейшую сохранность местных памятников архитектуры и живописи.

Несмотря на то, что в соответствии с инструкцией Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. о порядке проведения в жизнь декрета Совнаркома об отделении церкви от государства все церковные угодья, имущества, жилья и служебные постройки подлежали безусловной национализации ⁹⁶, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри еще продолжали существовать, пользуясь своими помещениями ⁹⁷. Правда, в январе 1922 г. предпринималась уже четвертая попытка взять монастырские здания в Ферапонтове под детский приют, но и тогда удалось их отхлоптать ⁹⁸. Весной 1922 г., когда в связи с выходом декрета ВЦИК проводилось изъятие церковных ценностей в фонд помощи голодающим Поволжья, И.И.Бриллиантов в качестве представителя Главмузея вошел в состав комиссии по изъятию в Ферапонтове, а В.И.Бриллиантов был таковым в Кириллове ⁹⁹. В их задачу входило следить за тем, чтобы в число изымаемых предметов не включались вещи музейного характера ¹⁰⁰. В Ферапонтове изъятие прошло спокойно. Вещи, представляющие особое музейное значение, остались на месте. Были изъяты только предметы позднего происхождения — евхаристические сосуды и подаренная Николзем П лампада ¹⁰¹.

Таким образом, мы видим, что в первые трудные годы становления советского музейного дела И.И.Бриллиантов посвятил себя охране уникального памятника русской культуры, который с юных лет любил всей душой. В июне 1922 г. он еще состоял сотрудником музейной секции подотдела искусств, но в конце года был уволен в связи с сокращением штатов ¹⁰².

Дальнейшая судьба Ферапонтова складывалась следующим образом. В декабре 1923 г. монастырь был обращен в совхоз, а его насельники, кроме игумена и казначеи, зачислены в члены трудовой артели ¹⁰³. Кирилло-Белозерский монастырь закрылся в октябре 1924 г. ¹⁰⁴. Впрочем, богослужения совершались в Ферапонтове в Благовещенской церкви еще и в 1929 г. ¹⁰⁵ С 1929 г. ансамбль бывшего Ферапонтова монастыря становится филиалом Кирилловского окружного музея ¹⁰⁶.

Примечания:

I Бриллиантов И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени ос-

нования. 1398—1898. С приложением очерка "Патриарх Никон в заточении на Белозере". СПб., 1899. Первоначально текст публиковался в журнале "Странник", 1898, июль, октябрь—декабрь, 1899, май, июнь—август.

2 Сведения о семье Бриллиантовых частично содержатся в документах, сохранившихся в архиве Александра Ивановича Бриллиантова, находящегося ныне в Отделе рукописей ГПБ в Ленинграде, ф. 102.

3 Бриллиантов И. Ук. соч., с. 82.

4 Там же.

5 Там же, с. 118.

6 Дружба братьев особенно окрепла во время совместной учебы в академии. В 1893—1899 гг., когда А.И.Бриллиантов жил в Туле, состоя там преподавателем духовной семинарии, между ними осуществлялась интенсивная переписка. В 1900—1918 гг. братья, будучи людьми несемейными, проживали совместно в Петербурге (Петрограде), причем Иван Иванович был преданным помощником Александра Ивановича в его научной работе. Переахав в конце 1918 г. в Цыпино, И.И.Бриллиантов звал за собой и брата, договорившись о работе для него в Кирилловском архиве. В 1919—1929 гг. между ними вновь продолжалась оживленная переписка, носившая характер родственной близости и особой задушевности.

7 Сохранился лишь его черновой автограф с материалами к работе, которые вместе с другими документами И.И.Бриллиантова находятся в архиве А.И.Бриллиантова (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 382, 234 л.).

8 Диссертация И.И.Бриллиантова получила высокую оценку известного церковного историка И.Б.Троицкого, который в своем официальном отзыве на нее писал, что "диссертант заслуживает не только кандидатской степени, но и особого внимания Совета [академии]" (Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1893/94 учебный год. СПб., 1894, с. 231—233).

9 Бриллиантов И.И. Автобиография. [Пг., 1918] (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 377, л. 13).

10 Первое письмо, отправленное Иваном Ивановичем А.И.Бриллиантову по переезде в Цыпино датируется 22 декабря 1918 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 1—1 об.).

11 Письмо А.И.Бриллиантову от 17 марта 1919 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206). Судя по другим документам, И.И.Бриллиантов еще летом 1921 г. продолжал оставаться членом Цыпинского сельсовета (там же, ед. хр. 418, л. 8—11).

12 Письма А.И.Бриллиантову от 23 января 1920, 25 июня 1922 и 31 января 1929 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 14 об., 79 об. и 96 об.).

13 Письмо А.И.Бриллиантову от 31 января 1929 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 80 об.).

14 ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 381, автограф, 8 л.

15 Б. К 500-летию основания Кирилло-Белозерского монастыря (1397—1897). — Русский паломник, 1897, № 30, 26 июля, с. 472—473. Статья была опубликована с некоторыми сокращениями.

16 Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию основания. 1398—1898. Материалы к работе. Ферапонтово, Кириллов, СПб., [1895—1900], автограф, 136 л. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 383).

17 Н.К.Никольский указывал около тридцати рукописных собраний, содержащих материалы, относящиеся к монастырской колонизации Белозерья в XV—XVI вв. См.: Отзыв ординарного профессора Н.К.Никольского о представленной на соискание премии Марии и Василия Чубинских сочинения помощника инспектора Академии И.И.Бриллиантова под заглавием: "Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь... С приложением очерка "Патриарх Никон в заточении на Белозере". СПб., 1899. — Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1901/02 учебный год. СПб., 1902, с. 120—121.

18 ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 383, л. 22—86, 91—100 об., 112—135. Несколько рукописей бывш. Ферапонтова монастыря, использовавшихся И.И.Бриллиантовым и гринadleжавших священнику Ферапонтовского прихода П.А.Разумовскому, были переданы последним в 1902 г. в дар библиотеке Петербургской духовной академии (ныне в Отделе рукописей ГПБ в Ленинграде). См.: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1901/02 учебный год, с. 291—292. В настоящее время оставшиеся в бывш. Ферапонтовом монастыре рукописи находятся также в Вологодском гос. областном архиве и в собрании рукописных книг Кирилловского музея. Три документа начала XVIII в., относящиеся к хозяйственной жизни монастыря, сохранились в личном архиве И.И.Бриллиантова (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 473).

19 ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 383, л. 1—21 об., 86 об.—90 об., 101—111 об. "И.И.Бриллиантов, — отмечал Н.К.Никольский, — внимательно изучил научную литературу по своему вопросу и из печатных

материалов, относящихся к Ферапонтову монастырю, мы не встретим немногих указаний..."(Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1901/02 учебный год, с. 124).

20 Выходил в 1899 г. в майской, июньской и июльско—августовской книжках "Странника". Было предпринято также и его отдельное издание (СПб., 1899, II 8 с.).

21 Назовем наиболее важные из них в порядке их появления: Варлаам, архим. О пребывании патриарха Никона в заточении в Ферапонтове и Кирилло-Белозерском монастыре, по актам последнего. — ЧОИДР, вып. 148, 1867, с. 129—168; Суботин Н.И. Дело патриарха Никона. Историческое исследование. М., 1862; Михайловский С. Святейший Никон, патриарх Всероссийский. СПб., 1863; Известие о рождении и воспитании и жизни святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иваном Шутериным. М., 1871; Жизнь святейшего Никона, патриарха Всероссийского. Изд. Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1878; Николаевский П. Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола. СПб., 1883; Его же. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 г. Историческое исследование по неизданным документам. СПб., 1886; Жизневский А.К. Поход... Никона, патриарха Московского... в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1886; Иконников В.С. Новые материалы и труды о патриархе Никоне. Киев, 1888; Георгиевский Г. Никон, святейший патриарх Всероссийский, и основанный им Новый Иерусалим. Изд. 3-е. СПб., 1902; Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. 1—2. Сергиев Посад, 1909—1912; Его же. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913; Антоний, архиеп. Восстановленная истина. Лекция о святейшем патриархе Всероссийском Никоне. Харьков, 1910.

22 Жития Ферапонта и Мартиниана И.И. Бриллиантов излагает по неопубликованному списку XVI в. Софийской библиотеки № 467(741), пользуясь при этом также поздней рукописью (XVII в.), пожертвованной в 1766 г. в Ферапонтов монастырь.

23 Бриллиантов И. Ук. соч., с. 60.

24 Выражения из архиерейской присяги начала XVI в., когда нареченные русские епископы клятвенно обязывались не признавать митрополитов, поставленных в Риме или Константинополе, причем имя Спиридона

упоминалось в ней наряду с именами митрополитов-униатов Исидора и Григория (Бриллиантов И. Ук. соч., с. 62; цит. по кн.: Филарет, архиеп. История русской церкви. Изд. 6-е. СПб., 1875, с. 309).

25) Митрополиту Спиридону усваивается также известное послание, легшее в основу "Сказания о князьях владимирских" — памятника, отражающего официальную идеологию московского самодержавия XVI в. (см.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955). Автор послания называет себя "Спиридон рекомый, Сава глаголемый" (ГИМ, Син. 791, л. 154; ГИБ, Погод. 1567, л. 95). В 1891 г. И.Н.Жданов отождествил этого Спиридона-Савву с известным нам опальным митрополитом (Повести о Вавилоне и "Сказание о князьях владимирских". СПб., 1891, с. 57). С его аргументацией полностью согласна современная исследовательница и издательница памятника Р.П.Дмитриева (Ук. соч., с.82). Можно добавить, что автор послания хорошо знаком с родословиями тверских и литовских князей, что вполне подходило бы митрополиту Спиридону — родом тверитину, проведшему ряд лет в Литве. Его второе имя (Савва) указывает, повидимому, на то, что он находился в схиме, в чем также нет ничего удивительного, учитывая его преклонный возраст, 91 год, о котором он сам говорит (Дмитриева, с. 105; Жданов, с. 140). Однако И.И.Бриллиантов и его рецензент Н.К.Никольский, которым, несомненно, был знаком труд И.Н.Жданова, не спешат принять предложенную им идентификацию Спиридона-Саввы и признать митрополита Спиридона автором упомянутого "послания". И.И.Бриллиантов в данном случае принимает суждение В.О.Ключевского о кончине Спиридона в 1503 г. после написания им жития Зосимы и Савватия Соловецких. Последний же пришел к такому заключению рассматривая отзыв о Спиридоне Геннадия Новгородского, данный им, вероятно, вскоре после составления этого жития (в июне 1504 г. Геннадий был уже удален с кафедры, а в декабре 1505 г. скончался): "сей человек... беяше столпъ церковный..." (Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 200, примеч.). Из этого "бeyaше" В.О.Ключевский, а вслед за ним и И.И.Бриллиантов делают вывод, что Спиридон к этому времени уже скончался (Бриллиантов, с. 64). Между тем "послание" Спиридона-Саввы довольно надежно датируется периодом между 1505 и 1523 гг., т.е. между началом правления Василия III и смертью его двоюродного брата Ивана Андреевича, в монашестве Игнатия, которых как живых упоминает автор (Жданов, с. 57). К этому следует добавить, что в исследованном в 1984 г. Н.К.Голей-

зовским и В.В.Дергачевым синодике Кирилло-Балозерского монастыря ХУП в. имя митрополита Спиридона стоит вслед за именем супруги Ивана III Софьи Палеолог, скончавшейся, как известно, 15 мая 1503 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 538, л. 15 об.), что, в свою очередь, рассматривается ими как косвенное подтверждение датировки кончины Спиридона, предложенной В.О.Ключевским.

Таким образом, принятое ныне в историографии русской литературы авторство послания, усвоенное "с достаточной вероятностью" И.Н. Ждановым митрополиту Спиридону (Жданов, с. 57; Дмитриева, 80—82; Лурье Я.С., Литература ХVI в. — В кн.: История русской литературы. М., 1980, с. 288—289), как видим, представляет некоторую проблему. Ее возможное решение, являющееся делом будущего, должно рассматривать следующие аспекты: 1) сравнительный идейно-литературный анализ "послания" с известными произведениями митрополита Спиридона и 2) специальное рассмотрение источников, на основании которых делался вывод о вероятной дате кончины Спиридона.

26) Бриллиантов И. Ук. соч., с. 65; цит. по кн.: Макарий. История русской церкви, т. 6. СПб., 1887, с. 173, 174. Ср.: Иловайский Д. История России, т. 3. М., 1894, с. 609.

— 27 Бриллиантов И. Ук. соч., с. 65.

— 28 Там же, с. 68. Надпись, сохранившаяся на арке северных дверей собора, упоминает великого князя Ивана Васильевича и архиепископа Ростовского Тихона, что и дает искомый промежуток между 1492 и 1503 гг. При этом И.И.Бриллиантов считает наиболее вероятной дату 1500—1501 гг. Сохранившееся обозначение даты начала росписи собора "в лето 31...". не есть ли 311 = 1500 г. по современному исчислению" (там же, примеч. 2). В свою очередь К.К.Романов уточняет дату окончания постройки. Он также опирается на упоминание в надписи великого князя Василия Ивановича и окончания работ 8 сентября на праздник Рождества Богородицы. "Такая фраза, — указывает он, — могла появиться не раньше 1502 г., так как лишь с этого года, после окончательного примирения с отцом, князь Василий Иванович, выпущенный из темницы, получил титул "великого князя Володимирского, Московского и всея Руси самодержца". Таким образом, храм был освящен не ранее 1502 г. и не позже января 1503 г., т.е. 8 сентября 1502 г. Историки, следуя мнению В.Т.Георгиевского, К.К.Романов относит эту надпись не к строительству, а именно к росписи собора,

читаю "начата бысть п..." как "начата бысть подписывати". В пользу такого чтения говорит и упоминание в надписи "писцов" (Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. СПб., 1908, с. 24—25).

29. Бриллиантов И. Ук. соч., с. 62, примеч. 2.

30. Не случайно И.Э.Грабарь в 1921 г. отметит, что Дионисий стал знаменит как автор фресок в Ферапонтовом монастыре, называя его Дионисием Ферапонтовским (В поисках древнерусской живописи. — В кн.: Грабарь И. О древнерусском искусстве. М., 1966, с. 31).

31. ЖМНП, 1900, октябрь, с. 418.

32. Указанный труд Н.К.Никольского, напечатанный лишь частично (т. I, вып. 1. СПб., 1897, вып. 2. СПб., 1910) и частично оставшийся в рукописи, хранящейся в архиве ученого (Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 247), остается наиболее важным и ценным пособием по монастырской колонизации Белозерья.

33. Никольский Н.К. Отзыв..., с. 121.

34. Никольский Н.К. особо отмечает среди них: список XVIII в. жития Мартиниана (с. 4), рукописный синодик монастыря 1641 г. (с. 50), описные книги монастыря 1673 г. (с. 70), отрывки из грамот 1539 и 1624 гг., выданных монастырю (с. 87—88), приходо-расходные книги монастыря 1673 г. (с. 92), выпись из писцовых книг 1628—1630 гг. (с. 94) и ряд других (Отзыв..., с. 124—125).

35. Особый интерес представляют Отписка пристава Стефана Наумова из Ферапонтова монастыря о присылке Никону книг, утвари и продовольствия (март—апрель 1669 г.), а также грамоты архиепископа Вологодского Симона по делу ферапонтовского игумена Афанасия (1651—1655 гг.), обвиненного в "безчинстве" (Журналы заседаний..., с. 130—152).

36. Журнал заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1901/02 учебный год, с. 159—160.

37. Письмо И.И.Бриллиантова А.И.Бриллиантову от 1 апреля 1899 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 205, л. 23 об. — 24).

38. ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 377, л. 14.

39. Письмо игуменьи Таисии И.И.Бриллиантову от 27 января 1900 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 400, л. 1 об.), а также некролог Таисии (1840—1915): Новгородские епархиальные ведомости, 1915, № 1—2, 16 января, с. 49).

- 40 Письмо И.И.Бриллиантову от 27 января 1900 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 400, л. 1).
- 41 Письмо И.И.Бриллиантову от 12 сентября 1899 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 399, л. 1--2).
- 42 О своем желании возобновить Ферапонтов монастырь в качестве женского митрополит Новгородский и С.-Петербургский Исидор, действительно, подал в Синод рапорт от 6—8 октября 1892 г., однако в связи с его кончиной 7 сент. 1892 г. ответа не последовало (ЦГИА, ф. 796, оп. 184, д. 2199, л. 2 об.).
- 43 ЦГИА, ф. 796, оп. 184, д. 2199, л. 1--3 об.
- 44 Церковные ведомости, 1903, № 51--52, 10 декабря, с. 400.
- 45 ЦГИА, ф. 796, оп. 184, д. 2199, л. 3.
- 46 Там же, л. 3 об.
- 47 Там же, оп. 191, 1 отд. 2-а ст., д. 5 (1910 г.), л. 123.
- 48 Там же, оп. 184, д. 2199, л. 3 об.; Новгородские епархиальные ведомости, Прибавления, 1904, № 14, 15 июля, с. 959.
- 49 Новгородские епархиальные ведомости, Прибавления, 1909, № 27, 3 июля, с. 803.
- 50 Арсений, архиеп. Ферапонтов монастырь. — Церковные ведомости, Прибавления, 1912, № 17, 27 апреля, с. 697; Георгиевский В. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, с. 8.
- 51 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. 3.
- 52 Новгородские епархиальные ведомости, Прибавления, 1904, № 14, 15 июля, с. 958.
- 53 Арсений, архиеп. Ук. соч.; Церковные ведомости, Прибавления, 1912, № 17, 27 апреля, с. 698; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916, с. 120; Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. 4.
- 54 Покрышкин П.П., Романов К.К. Ук. соч., с. 4.
- 55 Письмо А.И.Бриллиантову от 24 июля 1909 г., Цыпино (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 205, л. 70 об. — 71).
- 56 Новгородские епархиальные ведомости, 1909, № 27, 3 июля, с. 803.
- 57 Так, В.Т.Георгиевский ссылается на неизвестный И.И.Бриллиантову доклад Синода от 13 декабря 1790 г. (дело № 51) о желании упразднить Ферапонтов монастырь, находившийся с 1764 г. за штатом, за неимением у него средств к существованию и о переводе ферапонтовских монахов в Савво-Вишерский монастырь новгородской епархии, на кото-

рый Екатерина П ответила отказом (Фрески Ферапонтова монастыря, с. 7). Использует В.Т.Георгиевский также в качестве пособия 1-й полутом 2-го тома "Истории русской церкви" Е.Е.Голубинского, вышедший лишь в 1900 г. и потому также неизвестный И.И.Бриллиантову (Фрески Ферапонтова монастыря, с. 5).

58 По инициативе Арсения (1862—1936) в 1912 г. в Новгороде было создано Церковно-археологическое общество, а при епархиальном доме открыт музей. Тогда же им был издан циркуляр, обязывавший все приходы и монастыри новгородской епархии взять на строгий учет находящиеся в них предметы старины в целях их сохранения и дальнейшей музейфикации (Новгородские епархиальные ведомости, 1912, № 49, 26 ноября, с. 280).

59 Новгородские епархиальные ведомости, Прибавления, 1912, № 4, 27 января, с. 121.

60 Арсенин, архиеп. Ук. соч.; Церковные ведомости, Прибавления, 1912, № 17, 27 апреля, с. 699.

61 Церковные ведомости, Прибавления, 1912, № 17, 27 апреля, с. 691.

62 Там же, с. 700.

63 Там же, с. 703.

64 Статья архиепископа Арсения "Ферапонтов монастырь" была также напечатана в "Новгородских епархиальных ведомостях" (1912, № 17, 26 апреля, с. 525—538) с целью прочтения ее в храмах епархии.

65 Всеподданнейший отчет..., с. 120.

66 Там же; Церковные ведомости, 1914, № 6, 8 февраля, с. 39 (№ 804).

67 Всеподданнейший отчет..., с. 121.

68 Письмо от 1 февраля 1914 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 394, л. 1).

69 Об этом свидетельствуют заметки И.И.Бриллиантова, со схемами расположения фресок в Богородице-Рождественском соборе и рисунками монастырских сооружений, сделанные, по-видимому, в связи с подготовкой указанных описаний (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 384).

70 Письмо А.И.Бриллиантову от 23 янв. 1920 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 14 об. — 15).

71 Об этом см.: Грабарь И. О древнерусском искусстве. М., 1966; Полобедова С.И. Игорь Эммануилович Грабарь. Жизнь и творческая деятельность. М., 1964, с. 176—180.

- 72 Грабарь И.Э. Ук. соч., с. 95.
- 73 ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 15.
- 74 Тогда ими были раскрыты иконы Богоматери, апостола Петра и апостола Павла и продолжено раскрытие иконы архангела Михаила, оконченное Е.А.Домбровской в 1934 г. в Третьяковской галерее (Дионисий и искусство Москвы XV—XVI столетий. Каталог выставки. Сост. Т.Б.Вилинбахова, В.К.Лаурина и Г.Д.Петрова. Л., 1981, с. 40).
- 75 Подобедова О.И. Ук. соч., с. 177.
- 76 Письмо А.И.Бриллиантову от 27 июля 1921 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 207, л. 84 об.).
- 77 Древнерусские фрески. Копии из собрания Государственного Русского музея. Каталог. Сост. А.А.Мальцева. Л., 1983, с. 16; Государственный Русский музей. Каталог собрания копий древнерусских стеновых росписей. Сост. В.Ф.Шувалова. Л., 1948, с. 22.
- 78 Древнерусские фрески... Каталог. Сост. А.А.Мальцева, с. 14—16; Каталог собрания копий... Сост. В.Ф.Шувалова, с. 13—24.
- 79 Грабарь И. Ук. соч., с. 15 (текст О.И.Подобедовой). В своей монографии, посвященной жизни и творчеству И.Э.Грабаря, О.И.Подобедова отмечает, что впоследствии между Центральными государственными реставрационными мастерскими, возглавлявшимися И.Э.Грабарем, и Археологическим отделом в Ленинграде, активными сотрудниками которого были Л.А.Мацулевич и К.К.Романов, возникли "острые разногласия" о запасах и методах реставрации (Подобедова О.И.. Ук. соч., с. 180).
- 80 Письмо А.И.Бриллиантову от 16 августа 1920 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 32 об.—23).
- 81 Письмо А.И.Бриллиантову от 26 июня 1921 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 42 об.).
- 82 Там же.
- 83 Грабарь И.Э. Ук. соч., с. 31 (статья "Старые и новые находки").
- 84 ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 40 об.—42 об.
- 85 Письмо А.И.Бриллиантову от 23 июня 1921 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 40 об.).
- 86 Письмо А.И.Бриллиантову от 2 сентября 1921 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 48 об.).
- 87 Дело по ремонту Ферепонтова монастыря (Кирилловский музей, фонд отдела письменных источников, ед. хр. 454, л. 6: представление Кирилловского уездного отдела народного образования Ферепонтовско-

- му волисполкому от 31 августа 1920 г., № 5282).
- 88 Письмо А.И.Бриллиантову от 16 августа 1920 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 32 об.); Дело по ремонту..., л. 8.
- 89 Письмо А.И.Бриллиантову от 7 сентября 1920 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 37 об.); Дело по ремонту..., л. 15 (представление зав. уездным отделом народного образования М.Блинова и зав. подотделом искусств В.Бриллиантова в Кирилловский уисполком от 27 августа 1920 г., № 5210).
- 90 Письмо А.И.Бриллиантову от 18 сентября 1920 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 38 об.).
- 91 Письмо А.И.Бриллиантову от 23 января 1920, 22 июля 1921 и 4 января 1922 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 15, 44, ед. хр. 207, л. 3).
- 92 По свидетельству Е.И.Силина (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 468, л. 13).
- 93 Письмо А.И.Бриллиантову от 16 августа 1920 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 32 об.); Дело по ремонту..., л. 15.
- 94 Письмо А.И.Бриллиантову от 19—20 ноября 1920 (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 206, л. 39).
- 95 ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 468, машинопись, 14 л.
- 96 О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" (инструкция). Постановление Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г., § 16.— Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1918, № 62, ст. 385.
- 97 См. об этом: Зыковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг.). М., 1975, с. 45—68 (глава 2: Предпосылки и условия национализации монастырских имуществ).
- 98 Письмо И.И.Бриллиантова А.И.Бриллиантову от 4 января 1922 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 207, л. 2 об.).
- 99 Письмо И.И.Бриллиантова А.И.Бриллиантову от 25 июня 1922 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 107, л. 95).
- 100 Когда 23 февраля 1922 г. был выпущен декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья (Известия, 1922, 26 февраля), И.Э.Грабарь, опасаясь, что могут оказаться изъятими предметы, имеющие музейное значение, во время встреч с А.В.Луначарским и М.И.Калининым оговорил в связи с этим права Музейного отдела Наркомпроса. Согласно дополнительному разъяснению к декрету, данному после этого, изъятие ценностей в церквях запреще-

лось провести в отсутствие представителя Главмузея (Грабарь И. Моя жизнь. Автобиография. М.—Л., 1937, с. 277).

101 Письмо А.И.Бриллиантову от 25 июня 1922 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 207, л. 95 об.).

102 Письма А.И.Бриллиантову от 4 января и 25 июня 1922 и 31 января 1929 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 207, л. 3, 79 об., 96 об.).

103 Письмо А.И.Бриллиантову от 27—28 января 1924 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 207, л. 31).

104 Письмо А.И.Бриллиантову от 23 октября 1924 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 207, л. 40).

105 Письмо А.И.Бриллиантову от 31 января 1929 г. (ГПБ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 207, л. 80 об.).

106 Годовой отчет Кирилло-Белозерского и Ферапонтовского музеев, 1929 г. (Кирилловский музей: фонд отдела письменных источников, ед. хр. 382, л. 1—4).